

ДУШКА

Рассказ

Меня с раннего детства влекло к таинственному, неведомому, страшному. Когда начали появляться книги Стивена Кинга, я их неумолимо разыскивал на книжных развалах, зачитывал до дыр, даже знал многое из них наизусть. Однако со временем Король ужасов, как его все называют, перестал меня впечатлять. Бесконечные страницы его пухлых романов наводили уже скуку. Выдуманный Кингом миром становился всё более предсказуемым. Тратить драгоценное время на чтение романа целиком, с уже более или менее понятной развязкой – нет уж, увольте! И не в силах преодолеть свою скуку, я торопливо долиствывал его «кирпич» в поисках страниц с кульминацией, равнодушно проглатывал финал и откладывал роман в сторону, забывая о нем навсегда.

Но не то главное, что именно Кинг мне наскучил. Дело в том, что все ужасы его или других писателей выдуманы от начала до конца, высосаны из пальца, книжные. Ничего похожего в реальной жизни никогда не случилось и не случится. В чем смысл этого нелепого клоуна из канализации или занесенного снегом отеля с засевшей там чертовщиной? Ведь все это Владимир Чакин голимая выдумка автора. Сколько ни читай про ужасы, ближе они не станут. То есть, если была твоя жизнь серой и пресной, такой и останется до самого смертного часа, и никакие Кинги не в силах изменить этот дешевый расклад.

Смертный час, момент наступления смерти, миг перехода от жизни к смерти – вот главная загадка и главный ужас в мире. Так устроено, что человек неизбежно умирает, до последнего не веря, что подобный казус с ним рано или поздно приключится. И вот, наконец, оно происходит, человек умирает. Возникает „естественный“ вопрос: что такое вообще, смерть? Это „насовсем“ или простой переход куда-то туда, в „горние пределы“? Умирает лишь внешняя, видимая оболочка, а душа бессмертна и благополучно продолжит свое вечное существование после смерти тела? Никто этого не знает наверняка.

Почему люди должны по-детски во что-то верить, если существует наука, которая на то и существует, чтобы все проверять и доказывать? Будучи по складу характера целеустремленным до фанатизма и обладая от природы довольно неплохими аналитическими способностями, уже в ранней юности я окончательно определился и твердо решил посвятить свою жизнь науке. И не науке вообще, а именно медицинской науке, точнее - тем ее областям, которые, если и не изучают саму смерть, то наиболее близки к ней. Реаниматология, паталогоанатомия и судебная

медицина – вот сферы моих будущих научных интересов, так решил я тогда, поступив в известный медицинский университет.

На втором курсе, когда начались практические занятия, я разрывался между кафедрой реаниматологии и паталогоанатомическим отделением. Где-то между ними как раз и проходит тайная граница, которая меня интересовала в наибольшей степени. Если в реанимации пытаются любыми средствами отсрочить смерть, то паталогоанатом работает уже с трупом, то есть когда смерть уже наступила. Порой, по заданию шефа ковыряясь в отвратительном, вонючем содержимом вскрытого желудка очередного жмурика из нашего морга, я вглядывался в осунувшееся синюшное лицо трупа дряхлой старухи с полуоткрытым левым глазом и скошенной набок челюстью и пытался представить, что она ощущала в последние мгновения жизни, когда к ней вплотную подступала смерть. Труп вызывающе молчал и прочно хранил свои тайны. В самом деле, чего я хочу от него добиться, если это уже шлак, мусор, разлагающиеся на глазах отходы. Я опоздал, с мертвеца уже никакого спросу. Мертвяк никак не в состоянии помочь мне в разрешении загадки смерти, даже если бы сам очень этого захотел, что, впрочем, крайне маловероятно. Покойник находится уже там, за чертой, а мне интересна сама черта, именно тот сокровенный момент перехода отсюда туда, из жизни в смерть.

Итак, после нескольких месяцев интенсивной стажировки в отделении паталогоанатомии, я к ней резко охладел. Я, конечно, продолжал приходить сюда в установленные часы, помогая персоналу в освидетельствовании трупов, но свои обязанности теперь исполнял машинально, чисто механически, безо всякого интереса. Зато зачастил на кафедру реаниматологии. Да, здесь было намного интереснее и гораздо ближе к делу. Здесь до конца боролись за жизнь больного, всеми средствами старались удержать его на плаву, не давая погрузиться в пучины смерти. Если это удавалось сделать, то спасенный оставался жить на радость родным и близким. Но иногда бешеная суэта медицинского персонал вокруг неподвижно лежащего тела, невероятные усилия лучших врачей-реаниматологов оказывались напрасными, и человек уходил. В этих случаях врач умывал руки, констатировал смерть и отправлял свежеиспеченного покойничка на свалку истории, в морг. На этом все заканчивалось, ничего дальше не происходило и произойти не могло. Но все же, где та черта, где граница между жизнью и смертью, которую я так вожделенно желал увидеть, прочувствовать всеми фибрами души? Опять она ускользала от меня, не давалась в руки как обмылок в воде.

К тому же, во время занятий в реанимационном отделении смертельные исходы случались не столь часто, все же чаще больных откачивали и возвращали в общие палаты. Мне врезались в память два случая смерти больных, и эти смерти совсем не походили одна на другую. В первом случае мужчина лет сорока пяти был доставлен в клинику при университете с многочисленными ушибами, тяжелыми переломами

конечностей, ребер, проломленным черепом. После падения с седьмого этажа позвоночник каким-то чудом уцелел, однако сей удивительный факт служил слабым утешением на общем фоне многочисленных полученных травм, явно не совместимых с жизнью. Ведь помимо переломов костей были значительно повреждены внутренние органы: печень, почки, желудочно-кишечный тракт, легкие – все в многочисленных гематомах и разрывах. В реанимацию мужчину привезли из операционного отделения, где его как могли подлатали, но это все явно делалось уже, как говорится, для очистки медицинской совести. Отчаянная борьба за жизнь мужчины продолжалась часа три, не больше. За это непродолжительное время он пару раз испытал клиническую смерть, на второй - уже безвозвратно. Этот случай со смертельным исходом был первым в моей реанимационной практике, поэтому все детали отчетливо врезались в память.

Тело мужчины практически все забинтовано либо прикрыто постоянно сменяемыми окровавленными тампонами. Несмотря на сложнейшую операцию по наложению швов на многочисленные раны, кровь продолжает безостановочно сочиться сквозь бинтовые повязки. Руки больного в гипсе, они зафиксированы в определенном положении относительно лежащего тела, причем в довольно причудливых позициях: вытянутая правая рука смотрит вперед-вверх, а левая, согнутая в локте, расположена в плоскости тела. Голова тоже сплошь забинтована, фактически открыто лишь лицо, которое представляет собой сплошную лилово-синюю гематому. На что здесь рассчитывали врачи, на какое чудо - не знаю. Мужчина все время находится без сознания, но признаки жизнедеятельности до поры до времени налицо – пульс и дыхание. Вдруг кривая энцефалограммы мозга дергается несколько раз, быстро теряет амплитуду и превращается в прямую линию. Сердце останавливается. Клиническая смерть наступила. Переход туда начался.

Стоя за спинами врачей, я напряженно вглядываюсь в лицо больного, пытаюсь разглядеть хоть какие-то внешние проявления случившегося. Ничего, никаких изменений не происходит. Та же лиловая кожа на лице, закрытые веки глаз, полная неподвижность лицевых мышц. Затем разряд дефибриллятора, адреналин в вену, и энцефалограмма снова задергалась, жизнь вернулась в искалеченное тело мужчины. Но ненадолго. Через полчаса наступила новая остановка сердца, на этот раз навсегда.

Второй случай смерти в моем присутствии произошел через месяц, и он оказался намного интереснее первого. На этот раз в реанимации оказалась женщина шестидесяти трех лет с предельно выраженными признаками цирроза печени. Худое, изможденное тело, лицо с тонкой кожей, натянутой на кости черепа, – все ярко выраженного лимонного цвета, вызванного накоплением билирубина в крови. Когда ее привезли, женщина еще была в сознании, но выглядела сильно ослабевшей и практически не реагировала на внешние раздражители. На вопросы врача либо слегка кивала, либо шептала что-то неразборчивое. В последние дни

у нее проявились явные признаки сердечной недостаточности, которые все усиливались, поэтому женщину поздним вечером перевезли в реанимационное отделение, чтобы она была постоянно на глазах в ночное время, когда жизнедеятельность органов снижается и вероятность критических событий резко повышается. Особенно риск возрастает в предутренние часы, ведь организм начинает пробуждаться. Именно в это раннее время суток, когда весь живой мир просыпается, ослабленный организм часто не выдерживает нарастающих на нервную систему нагрузок, и наступает срыв. Как собственно все произошло и на этот раз.

Ночная смена уже близилась к концу, как сердце у женщины остановилось. Я в тот момент сидел у ее изголовья, погруженный в дрему. Спать, конечно, не полагалось, я был дежурным и должен неотрывно находиться рядом с больным, следить за его состоянием. Однако время после трех часов ночи – самое сложное для сохранения бодрствования. Сколько аварий, катастроф случилось именно в это время суток, когда человек на мгновение теряет контроль над окружающей действительностью и погружается в сладкий сон. В моем случае сна как такового, кажется, не было, я находился в некоем промежуточном, воздушном состоянии между явью и сном, в полузабытьи, когда ты вроде ощущаешь все вокруг себя и в то же время как будто качаешься на сладостных волнах подступающего небытия, заставляющего тебя отрешиться ото всего материального, земного. И в этот странный миг неопределенности моего бытия я почувствовал, не зафиксировал своими органами чувств – зрением, слухом, а именно почувствовал нечто чуждое, вторгающееся в сферу моего жизненного пространства. Это вторжение не имело ни формы, ни цвета, а казалось просто нелепым, случайным диссонансом, нарушающим гармонию мира. Тем не менее, этот странный импульс извне буквально пронзил меня, настолько он был чужд и не похож на все, что я ощущал за всю мою предыдущую жизнь. Я вынырнул из дремы, взглянул в лицо лежащей женщины и поразился произошедшим с ним изменениям. Женщина широко раскрыла глаза и на ее устах разлилась улыбка невероятной радости и безграничного блаженства! Мгновение я не мог оторвать взгляда от ее светившегося неземным счастьем лица, потом глянул на экран энцефалографа и увидел там прямую линию. Абсолютно прямую линию, безо всяких зигзагов и всплесков! Показания прибора свидетельствовали о наступлении у пациентки клинической смерти. Я нажал сигнал вызова дежурного врача, потом снова бросил взгляд на лицо женщины, но успел уловить лишь слабые, быстро угасающие следы блаженства и радости. Секунды спустя ее лицо превратилось в окаменевшую желтую маску покойника.

Что это было? Я много размышлял об этом случае, но найти ответа не удавалось. Не удавалось предложить даже хоть какое-нибудь разумное объяснение случившемуся. Меня поразила не столько предсмертная улыбка женщины, что было само по себе, безусловно, весьма странным

событием, но в гораздо большей степени – тот загадочный импульс во время дремы, свидетельствующий о кратком проникновении в мой мир абсолютно чуждой субстанции. Мгновенное чувство страшной опасности, от которой хотелось куда-нибудь скрыться, и одновременно невероятная притягательность охватившего меня бездонного страха, когда тебя неудержимо тянет к нему навстречу, несмотря на ясное понимание близкой гибели, - вот что меня поразило больше всего в том случае, о котором я не посчитал нужным рассказывать кому бы то ни было.

Тянулись месяцы нудных занятий, а к разгадке сокровенной черты перехода отсюда туда я так и не приближался. Постепенно я терял интерес ко всем этим лекциям, семинарам, практикам. Зачем все это нужно, что толку от толстенных томов медицинских справочников и монографий, бесконечных подшивок журналов, если в них нет ничего существенного, способного пролить свет на волнующую меня загадку. Мой жизненный тонус постепенно падал. Окружающее казалось все более неинтересным, тягостным, а порой просто непереносимым. К тому же, один за другим умерли мои родители, сначала отец – от мучительно долго тянувшегося рака легких, потом, через полгода мать – от очередного припадка неврастении, перешедшего в неконтролируемое поведение, и внезапно наступившего после него сердечного приступа. Меня не было в это время дома, некому было успокоить маму, подать лекарство, и она умерла, лежа на полу в двух шагах от столика с таблетками, не дожив каких-то трех месяцев до пятидесяти. Я любил своих родителей, помогал им, чем мог, но последние годы, когда началась учеба в университете, немного отдалился от них, хотя всегда сознавал, что никого ближе нет у меня на свете, и вряд ли будет, поэтому их смерти серьезно подкосили мой дух. Я потерял интерес к жизни, теперь лишь машинально исполняя необходимые ежедневные обряды, – подъем, туалет, еда, поход в магазин за продуктами, бесконечное прозябание на диване, телевизор, сон, на другой день все то же самое, бесконечная беличья круговерть и ничего больше. Университет я пока не бросал, появляясь там лишь изредка, но на старых знаниях и врожденной быстроте мышления как-то умудрялся сдавать текущие зачеты. Преподаватели меня видимо ценили и порой делали поблажки, в тех случаях, когда из меня не удавалось выдавить ни единого слова, относящегося к теме экзамена. Эту летнюю сессию я с грехом пополам сдал, всего лишь с одним хвостом на осень, и теперь не знал, что делать дальше в наступившие летние каникулы. Получалось, что и занятия медициной ни на йоту не приблизили меня к пониманию загадки, разрешению которой я посвятил свою жизнь. Было горько осознавать свое бессилие, но поделать я ничего не мог.

Однажды после очередного пустого дня, уже поздно вечером ближе к полуночи валялся на диване и листал книжку Амброза Бирса. Остановился на рассказе „Случай на мосту через Совиный ручей“, вчитался в него. Я был знаком с творчеством Бирса, читал, конечно, и „Случай“, но на этот

раз что-то заставило меня раз за разом просматривать знакомые картины, возникающие в сознании при чтении рассказа и внимательно всматриваться в них, как будто они могли навести меня на какое-то правильное направление мыслей. Я интуитивно чувствовал, что где-то здесь кроется очень важное, краеугольное для меня, в очередной раз прочитывал последнюю фразу рассказа: „...вдруг яростный удар обрушивается сзади на его шею; ослепительно-белый свет в грохоте пушечного выстрела полыхает вокруг него - затем мрак и безмолвие! Пэйтон Факуэр был мертв; тело его с переломанной шеей мерно покачивалось под стропилами моста через Совиный ручей“, и вдруг мир вокруг меня взорвался. Вот оно, конечно же, как я не догадался раньше, это же так очевидно! Ничто не может дать достоверной информации о чем бы то ни было, кроме как опыт, то есть надо испытать все это на собственной шкуре. Опыт, нужен опыт, только опыт на самом себе позволит проникнуть в сокровенную тайну, разрешить мучительную загадку, которая так долго томит меня.

Я вскочил с дивана и забегал по комнате, пытаюсь сосредоточиться и заставить хаотично мечущиеся в голове мысли выстроиться в некое упорядоченное состояние, позволившее бы мне начать более целенаправленные действия.

Итак, Пэйтон Факуэр повешен, побег оказался мнимым, это лишь яркое видение в мозгу человека в краткий миг перед смертью посредством удушья. Да, было видение, но видение ли на самом деле? Картины так живописны, так жизненны, что производят полное впечатление реальности. Хорошо, это художественная выдумка писателя. Но возможно ли такое выдумать? Я читал ранее о жизни Бирса, его участии в Гражданской войне и даже в подготовке казней. Изо всего этого вполне можно заключить, что писатель мог слышать подобную историю из уст человека, пережившего клиническую смерть и вернувшегося к жизни.

Да, видения повешенного оборвались, когда наступила смерть в результате разрушения шейных позвонков. Да, яркие картины в мозгу могли возникнуть в результате наступившего кислородного голодания и острого расстройства функций центральной нервной системы. Да, возможно и такое, вполне банальное объяснение возникших видений в мозгу умирающего человека, но что мешает все это проверить самому, на собственном опыте? А что если это не просто видения, а отражение реальности? Нужно только вовремя остановиться и не доводить удушье до последней стадии, тогда я выживу и смогу убедиться во всем этом сам. Но как это сделать, если во время асфиксии ты можешь отключиться в какой-то момент и потерять контроль над своими действиями?

Я задумался. Без участия третьего лица не обойтись, ведь должен же присутствовать внешний контроль, который позволил бы регулировать длительность процесса, вовремя останавливая механическое воздействие в области шеи. Нет, никого посторонних я бы не хотел посвящать в мои

исследования, это исключено. Какой же возможен выход? Безусловно, выход возможен здесь только один – изготовить машину, которая бы, во-первых, эффективно воспроизводила асфиксию, во-вторых, позволяла задавать определенную длительность процесса удушья, чтобы потом, через определенное время автоматически отключиться.

На изготовление удушающей машины ушел ровно месяц, месяц упорного, практически круглосуточного труда. Я воспрянул духом, у меня появилась конкретная цель, а что может быть лучше в жизни, когда предельно ясно, куда идти дальше, к чему стремиться? Я трудился вдохновенно, спал урывками, питался от случая к случаю, порой надолго забывая про голод. Я полностью отдался этой работе, чувствуя, что занимаюсь сейчас действительно конкретным, понятным, логичным делом, тружусь над тем, что позволит достичь моей сакральной цели и, наконец, разглядеть собственными глазами ту таинственную черту между жизнью и смертью. Разглядеть и вовремя отступить, вернуться к жизни.

Первая неделя ушла на разработку идеи машины, обдумывание всех мельчайших деталей ее конструкции. Прежде всего, я продумал устройство удушающего обруча. Металлический обруч – это основной элемент гарроты, испанской машины для совершения смертной казни удавливанием, о чем я узнал, листая энциклопедию. Но у меня обруч будет другим, он должен быть достаточно мягкой консистенции, чтобы не повредить кожу в области шеи, да и сами хрящи гортани во время опытов. И в то же время обруч должен обеспечить плотное сжатие шеи для остановки дыхания и кровообращения и наступления клинической смерти. Непростая задача, надо сказать, но и она, пусть не сразу, но поддалась моим исступленным попыткам продвинуть дело всей моей жизни. Я знал также, что во время казней удавливанием после потери сознания человека иногда поражают конвульсии, то есть он совершает хаотические, беспорядочные движения конечностями. Опасаясь, что подобное может произойти во время опыта и со мной, а я в подобном состоянии могу сорвать обруч с шеи, решил обезопаситься путем использования предохранительных ремней для фиксации рук и ног. Я изготовил из кожаных полос затягивающиеся петли, которыми во время эксперимента ограничу подвижность конечностей. Не затаю наглухо, что я собственно и не в состоянии сделать самостоятельно, а лишь ограничу, чтобы не смог дотянуться до шеи или повредить прибор. Небольшой, но достаточно мощный электромотор, резиновая трансмиссия, реле времени с часовым механизмом – вот и все нехитрые причиндалы моей Душки, как я в шутку обозвал удушающую машину собственной конструкции. После нескольких дней опытов с машиной в автоматическом режиме, я понял, что Душка полностью готова к проведению натуральных испытаний. Машина четко следовала заданной программе, останавливая сжатие строго через заданное время, выдерживала при этой степени сжатия столько времени, сколько требовалось по программе, а затем быстро снимала нагрузку путем

переключения электромотора на обратное вращение. Необходимо было только заранее выставить на циферблате две цифры: время сжатия и время последующей выдержки при заданной нагрузке.

Но возник главный, краеугольный вопрос эксперимента: сколько времени проводить опыт, чтобы не переборщить, выжить и суметь вернуться обратно после окончания опыта в относительно добром здравии. Я знал, что обратимой клинической смерть бывает в большинстве случаев, если длится всего несколько минут, как правило, не более пяти. Однако, чем длиннее период полной отключки, тем больше вероятность повреждения коры головного мозга и, соответственно, сложнее последующие реанимационные мероприятия. Моя же планируемая процедура реанимации заключалась лишь в автоматическом наливании в блюдце у моего лица нашатырного спирта, что должно происходить сразу же после снятия нагрузки на шею. Не бог весть что, конечно, но, по моим расчетам, этого воздействия на верхние дыхательные пути будет достаточно, чтобы дать импульс нервной системе для начала полноценного функционирования и возврата меня в реальность. После нескольких пробных опытов, позволивших подобрать величину удушающей нагрузки на шею, я установил на первый раз длительность выдержки при этой нагрузке в тридцать секунд.

Я решил первый опыт провести ночью, когда замирает жизнедеятельность людей, стихают окружающие звуки и ничто стороннее не сможет побеспокоить меня в течение пробного эксперимента. Сознанием я понимал, что во всем этом присутствует реальный риск, риск невозврата в том случае, если я где-то ошибся в расчетах, что-то не предусмотрел, недооценил влияния каких-нибудь иных факторов на течение опыта. Но страх за себя у меня полностью отсутствовал, я твердо верил в себя, в свои способности правильного, логичного анализа действительности и умения поступать в соответствии с этим анализом. Сколько раз мои способности выручали меня в жизни, выручат и на этот раз. Моя Душка меня не подведет.

Я прилег на кушетку, надел на шею обруч, оглядел машину на столике у изголовья, бросил взгляд на настенные часы – перевалило уже полночь – и нажал красную кнопку на пульте, который держал в правой руке. Эта кнопка была единственной на пульте ручного управления машиной и позволяла как включать, так и отключать машину простым нажатием в случае крайней необходимости.

Легкий зеленый свет ночника наводил умиротворяющее настроение, я прикрыл глаза и сосредоточился на собственных ощущениях. Мягкое кольцо под подбородком охватило верхнюю область шеи повыше кадыка и мягко начало поддавливать на сонную артерию и трахею. Лицо как будто подогревалось извне, щеки пылали, дышать становилось все труднее, в ушах возник и начал нарастать тонкий свист, напоминающий свист чайника в начале кипения воды. Перед внутренним взором начали

проступать багровые пятна, а все тело как будто постепенно немело, становилось ватным, не моим. Как ни странно, особой боли я не чувствовал, неприятные ощущения в области шеи перекрывались другими, довольно странными ощущениями, которые в разных своих точках испытывал мой организм. Особенно выделялась на этом общем необычном фоне голова, которая, помимо горения яростным пламенем, все тяжелела и тяжелела. Она буквально наливалась свинцом, ее с такой неудержимой силой тянуло вниз, что у меня мелькнула мысль, не проломит ли она кушетку и не прервет ли тем самым опыт. Хотелось броситься ей на помощь и руками поддержать многотонную болванку от неминуемого падения на пол сквозь проломленную лежанку. Остатками разума я удержал себя от всех этих бессмысленных действий и крайним усилием воли вытолкнул из легких остатки воздуха.

Легкий ветерок освежил мне лицо долгожданной прохладой, повеяло такой невыразимой свежестью, что я сразу распахнул глаза, и невольная улыбка раздвинула мои пересохшие губы. Передо мной простиралась до горизонта пустынная каменистая местность, над головой синело тусклое небо. Солнце висело над головой и палило вниз с неумолимой, всесокрушающей силой. Но, обернувшись, я увидел, что нахожусь в двух шагах от окруженного пальмами небольшого озерка, от которого и веяло спасительной прохладой. Озеро всем своим независимым видом явно диссонировало с окружающей раскаленной пустыней. Нимало подивившись причудам матушки-природы, я с удовольствием прошел к озеру, опустил горячие потные ладони в прохладные его струи, омыл лицо и жадно сделал несколько глотков. Блаженство разлилось по телу, наступило невыразимое облегчение от окружающей жары, и я, набрав воды в бурдюк, решил передохнуть в тени пальм перед тем, как продолжить свой путь.

Развалившись на пушистой зеленой травке, я огляделся и сразу понял, что окружающий меня оазис совсем небольшой. К нему вплотную подступала пустыня, иссушающее дыхание которой ощущалось и здесь, рядом с озером полным прохладной воды. Пора двигаться дальше, но как не хочется покидать это благословенное место, оазис жизни посреди палящего зноя мертвой пустыни.

Я поднялся на ноги и взглянул напоследок на спокойную озерную гладь. Невидимые подводные ключи наполняют небольшое углубление в каменном панцире пустыни и рождают эту животворящую красоту на радость проходящим путникам. Утолить жажду, передохнуть в тени деревьев – какого счастья еще желать утомленному ходоку по нескончаемым пустынным? И снова улыбка невыразимого счастья озарила мое лицо.

Но что это? Идеальная водная гладь нарушилась, поверхность озера покрылась мелкими складками, и первая, неуверенная волна накатилась на берег, подступила к самым моим ногам и тут же ушла прочь, как будто

устыдившись своего неожиданного порыва. Однако за первой пришла вторая волна, размах которой стал значительно большим, и она уже по колени омыла мои ноги, намочив штаны. Я в растерянности отступил на несколько шагов, но это не помогло. Третья волна с размаху ударила меня в грудь и опрокинула бы оземь, если б я не ухватился за спасительную ветку пальмы. С ужасом я наблюдал, как вздымается передо мной стена воды, как неумолимо надвигается этот высоченный, пенящийся вал водной массы и накрывает меня с головой. Я взмахнул руками, пытаюсь удержать равновесие, но не устоял на ногах, и меня как легчайшую песчинку понесло куда-то в бурлящем водовороте. Я беспомощно барахтался, искал ногами точку опоры, но ее не все было, и, смирившись, я прекратил борьбу и отдался на волю судьбы.

Стремительная волна несла и несла меня куда-то, на мгновение я забылся, убаюканный мерным качанием в ее объятиях, и вдруг почувствовал, что окружающая вода как будто рассеивается, куда-то исчезает. Но, несмотря на это, я все же продолжаю движение в полной пустоте, мир вокруг как будто сжимается, окружающий солнечный свет меркнет, и постепенно приходит ночная мгла. Далекий женский голос выводит нежную, чарующую мелодию, я даже могу разобрать отдельные слова песни, но никак не уловлю их смысла, они так странно берегут душу и заставляют сжиматься сердце от предчувствия далекого, но такого возможного счастья. Кто она, эта загадочная ночная незнакомка, почему меня тянет к ней с поистине неудержимой силой? Я устремляюсь на голос, он как будто приближается, я тянусь, тянусь к нему, но нет, это обман слуха: голос по-прежнему звучит в недостижимой дали, где-то там, в непроглядной тьме. Я хочу, хочу ее, где ты, моя прекрасная мечта, мое счастье, моя любовь?

И в момент уже крайнего отчаяния и мучительного сожаления о несбывшемся передо мной вдруг возникает светящееся лицо женщины. Оно медленно наплывает на меня из темноты, и этот женский лик настолько прекрасен, что дыхание перехватывает в груди, и никто больше не в силах остановить меня от страстного желания прикоснуться к этому немислимому счастью, соединиться с ним навеки. Я тянусь к незнакомке, она узнает меня, приветливо улыбается, подмигивает. Я невольно обращаю внимание на ее лучистые зеленые глаза в обрамлении опавших ресниц и вдруг понимаю, что в ее глазах нет зрачков, лишь изумрудный овал радужной оболочки и ничего больше. Как это необычно, как загадочно! Я вглядываюсь внимательнее в ее необычные глаза и вижу, как из них начинают выползать тонкие зеленые нити и, изящно изгибаясь, медленно приближаются к моему лицу. Они нежно касаются лба, щек, носа, их все больше и больше, они медленно входят в мою кожу, как будто врастают в нее, и вот уже все мое лицо покрыто вросшими зелеными волосинами, исходящими из глаз незнакомки. Они щекочут кожу, волна возбуждения охватывает мои члены, это ведь так сексуально – глаза любимой в твоём

лице! Я охватываю ладонями свою голову, не в силах преодолеть все нарастающее желание...

- А-а-а! – острая, мучительная боль пронзает лицо, и я захожусь в бешеном крике. Зеленые нити вдруг напрягаются и мгновенным усилием сдирают кожу с моего лица. Кровавый лоскут, покачиваясь, повисает у глаз, багровые капли крови томно светятся в темноте, озаряя своим светом мои выставленные вперед руки.

Я инстинктивно отстраняюсь от женщины, но не тут-то было. Она тянется ко мне, распростерши свои объятия, ее руки становятся все длиннее и длиннее, вытягиваются как виноградная лоза при хорошем поливе, охватывают меня справа и слева, изящные ладошки с острыми лопаточками ногтей осторожно касаются моей спины, охваченной нервной дрожью.

- У-у-у! – новый звериный крик вырывается из моих окровавленных уст, и я начинаю дергаться в страшных конвульсиях, напрасно пытаюсь освободиться от вонзившихся в спину ногтей. Чувствую, как сначала пальцы, а затем и ладони женщины медленно проникают внутрь тела и начинают терзать меня изнутри - почки, печень, желудок, как будто что-то нащупывая там. И вдруг толчок, рывок, и мои внутренности уходят из меня! Я этого не вижу, все происходит за моей спиной, только ощущаю сначала чудовищную боль, а потом - странную пустоту внутри своего, как будто сдувшегося тела.

- Ч-что ты делаешь? – пытаюсь выговорить я остатками губ. – З-зачем?

- Ш-ш-ш, - успокаивает меня женщина, издавая тихое умиротворяющее шипение и поглаживая мне голову своей правой рукой. Левая же рука скользит вдоль моей груди, по животу, ниже, ниже, касается и нежно охватывает заветный бугорок под штанами. Я закатываю глаза в предчувствии невиданного наслаждения, но... Ослепительная вспышка боли неслыханной силы пронзает нижнюю половину моего тела. Я вою разъяренным бизоном, пытаюсь оттолкнуть женскую руку, как вдруг чувствую справа сбоку страшный удар в висок, и перед глазами все завертелось в бешеном танце. Я почувствовал, как моя голова отделилась от тела и, беспорядочно вращаясь, понеслась куда-то в пространство. Мои мозги трепыхались в черепной коробке, как кисель в стакане на столе в вагоне мчащегося поезда, поэтому размышлять о происходящем было весьма и весьма затруднительно. Тогда я смирился, затих и покорно ждал продолжения действия, которое не заставило себя долго ждать.

Еще один страшной силы удар потряс мою голову, вокруг полыхнуло ярким светом, со всех сторон послышался мощный хор голосов:

- Го-о-ол!

Какое-то мгновение я трепыхался в сетке футбольных ворот после удачного удара форварда, но тут же точка зрения сменилась, и я уже нахожусь в сумасшедшей толпе зрителей, среди беснующихся

болельщиков, на трибуне стадиона, тяну руки к небу и вместе со всеми вою не своим, сорвавшимся голосом – го-о-ол!

Отвратительная резкая вонь пронзила горло и легкие, я поперхнулся, закашлялся и, неловко дернув локтем, опрокинул блюдце с нашатырным спиртом. Жидкость разлилась на пледе и быстро впиталась, оставив темное пятно.

Я поднял взгляд и оглядел комнату растерянным взглядом, постепенно приходя в себя. Тишина, зеленый ночник, Душка рядом на журнальном столике, побаливает шея, кровь мощными толчками пульсирует в теле, голова гудит низким, вибрирующим звуком. Я освободил руки из кожаных браслетов на запястьях, ослабил обод на шее и снял его через голову. Потрогал шею под подбородком, в месте контакта обода. Прощупывался кольцевой рубец, но не такой крупный. Значит, на первый раз обошлось, а я все-таки побывал там и вернулся невредимым из другого мира, с той стороны черты. Но странное чувство охватило меня при этом: я как будто раздвоился, одна моя половина находилась со мной, в привычном мире, другая же – оставалась там, в загадочном потустороннем мире, где, как и здесь, все так же убедительно реально, а с тобой еще и происходят удивительные, необычные, волшебные события, которые, если поразмыслить, не столь и ужасны. Я отчетливо помнил все, что происходило со мной во время опыта: оазис в раскаленной пустыне, озеро с прохладной водой, неожиданное наводнение, полет сквозь пустое пространство, прекрасную женщину в ночи, ее странные манипуляции с моим телом и, наконец, футбольный матч... По-видимому, я что-то сделал не так, если прекрасная незнакомка так неосторожно со мной обошлась. Хотя, в конце концов, ведь все благополучно вернулось на круги своя, мои похищенные внутренние органы благополучно вернулись ко мне, и я даже успел побывать на футбольном матче. К слову, хотя я и не считал себя заядлым футбольным болельщиком, но Лигу чемпионов по телевизору смотрел регулярно, наслаждаясь игрой лучших футболистов мира. Так что посещение на том свете футбольного матча очень даже легло в масть, пусть даже поначалу в образе нещадно битого футбольного мяча. Что касается прекрасной незнакомки, в следующий раз, я обязательно найду к ней подход, буду деликатнее, умнее и, уверен, смогу добиться от нее понимания и взаимности. При воспоминании о той незнакомке из запредельности у меня сладко заныло на сердце от несбывшегося, и вдруг страшно захотелось ощутить ее в своих объятиях, проникнуть в нее и любить, любить по-земному, по-нашему...

Перебирая все это в голове, я вдруг поймал себя на мысли, что мне не терпится поскорее вернуться в тот волшебный мир, который оказался неожиданно таким притягательным, несмотря на пережитые в нем порой и ужасные события. Явственно ощущалось обаяние того мира, его многогранность, удивительная яркость и наполненность разнообразными ипостасями бытия. Я чувствовал, понимал, что не испытал еще и сотой

доли того чудесного наполнения, которое является неотъемлемой частью запредельного мира.

Исходя из моего первого персонального опыта получалось, что мир за чертой несравненно интереснее нашего. Что ж, получается, теперь можно ставить таймер на полчаса, чтобы заведомо исключить свое воскрешение после клинической смерти, то есть чтобы она успела перейти в биологическую, - и отправляться навсегда в тот волнующий загробный мир?

Покончить жизнь самоубийством – так это называлось во все времена, и наложение на себя рук никогда не было в чести у большинства народов и религий. Самоубийц не отпевали и даже не хоронили на кладбищах вместе с обычными умершими людьми. Почему так происходило? Что здесь не так, как разрешить это странное нарушение логики, явное противоречие, наметившееся в моем сознании после первого проведенного эксперимента? С одной стороны, это очевидно плохо, о чем вопиет вся история человечества, с другой стороны, в чем я только что сам убедился, - притягательно, прекрасно и волнующе. Или загробный мир – это все-таки иллюзия, пусть и такая живая на первый взгляд, но все же иллюзия, и все мгновенно закончится с наступлением биологической смерти организма, то есть когда функции мозга и остальных органов прекратят свою жизнедеятельность?

Я пил кофе, чашку за чашкой, за окном стояла глухая ночь, а я раз за разом прокручивал в голове события первого опыта и пытался понять, насколько реальным для меня было то потустороннее существование. Иллюзия или реальность – вот в чем вопрос жизни и смерти!

Итак, я не могу ничего решить сейчас однозначно. Что ж, значит, просто не хватает информации о том мире, и нужно посетить его еще раз, и во всем окончательно разобраться. На второй раз, имея за плечами опыт первого визита, я буду осмотрительнее, осторожнее, я не дам сбить себя с толку дешевыми трюками. Сейчас я уж точно узнаю, насколько необычен тот мир, насколько удивительны его ипостаси, и морально готов ко всему самому необычному по ту сторону заветной линии.

Я взглянул в сторону удушающей машины, Душки, величайшего изобретения в истории человечества, предмета моей заслуженной гордости. Теперь открыт путь туда, в загробный мир, в неведомые, таинственные пределы, куда попадаем все мы после смерти. Теперь, когда путь туда найден, необходимо всесторонне исследовать тот мир, разведать все его закоулки. Я - первопроходец, я – первый танатонавт, я – Юрий Гагарин загробного мира!

В величайшем возбуждении я вскочил со стула, в волнении забегал по комнате, но быстро взял себя в руки, подошел к Душке и положил руку на прозрачный корпус из плексигласа, в котором в три ряда располагались реле и другие механизмы машины. Корпус был прохладный, приятно холодил ладонь, вызывая спокойствие и умиротворение.

- Умница, – вырвалось у меня, – какая же ты умница, моя Душка!

Мною владел немислимый восторг, я чувствовал странное единение с этой прекрасной машиной, порождением моего разума, и мне казалось, что Душка отвечает мне тем же. От нее явственно исходили флюиды радости, ее прозрачный корпус таинственно и волнующе мерцал зелеными переливами в свете ночника.

Но нельзя терять ни секунды драгоценного ночного времени, давно пора приступить к делу. Глубоко вздохнув, я опустился на кушетку и разместил на шее обруч. Взглянув на таймер, задумался. В прошлый раз длительность удушающей нагрузки составляла тридцать секунд, и за это короткое время успело произойти несколько событий. Из этого вытекает, что время здесь и там существенно разнится, а, если быть предельно честным, то мы пока даже в принципе ничего не знаем о времени того мира. Может быть, его там нет вообще? Ладно, оставим пока фундаментальные вопросы для будущих исследований, а сегодня для второго эксперимента я все же попробую увеличить время пребывания в запределье, не топтаться же на месте? Я решительно выставил на таймере одну минуту и нажал красную кнопку пульта.

Сосредоточился на собственных ощущениях. Рубец на шее немного ныл, поэтому обруч на этот раз я сместил чуть выше, ближе к подбородку. Опять быстро загорелись щеки, загудела голова, и тонко засвистело в ушах. Все происходило почти точно, как в первый раз, лишь внутренний взор оставался иссиня черным, никаких багровых пятен я на этот раз перед собой не видел. И боли от давления обруча я почти не чувствовал, и тело почти не немело, лишь слегка покалывали кончики пальцев ног. Что случилось, неужели что-то пошло не так?

Я открыл глаза, приподнял голову и огляделся. Что сразу бросилось в глаза - в комнате стало заметно светлее, и ночник был выключен. За окном уже явно наступило утро, рассеянный свет проникал в комнату сквозь полураскрытые занавеси окна, освещая разбросанные в беспорядке вещи и делая явным царящий в квартире привычный беспорядок, скрывающийся ночью за тусклым светом ночника. В крайнем удивлении я поднялся, сел на кушетке и бросил быстрый взгляд на журнальный столик. Удушающей машины, моей Душки на нем не было! Хлопнул рукой по шее – и обруч тоже исчез! Е-к-л-м-н, о-п-р-с-т – что все это значит, куда подевался мой уникальный прибор? Я хлопал глазами, ничего не понимая. Неужели мои научные подвиги мне приснились? Какая досада!

- Здравствуй, Алеша. Как ты себя чувствуешь? – раздался тихий женский голос из угла комнаты, где находился мой письменный стол.

Ко всему прочему, в комнате еще кто-то был! Я резко повернул голову и увидел сидящую за столом женщину с коротко остриженными светлыми волосами. Она приветливо улыбалась мне, но от ее улыбки меня бросило в холод, и противная мелкая дрожь охватила с головы до пят.

- Мама, ты? Откуда? – идиотский вопрос слетел с моих уст машинально, но в следующее мгновение я уже правильно оценивал происходящее. Душка исчезла, на дворе наступает день, в комнате находится умершая около года назад мама... Совершенно очевидно, что я опять там, в загробном мире. Как-то незаметно все пришло на этот раз. Что ж, тем лучше...

- Я жив, мама, жив, всего лишь прибыл сюда погостить, как я рад тебя видеть!

- Я все знаю, Алеша, ты у нас такой молодец, мы с папой очень гордимся тобой.

- Папа... А где же папа, почему его нет с тобой?

- Папа варит кофе на кухне, сейчас подойдет.

Кофе, конечно, кофе, как я мог забыть! Это ведь было любимым папиным занятием и даже предметом особой гордости - собственноручно приготовить и напоить гостей хорошим кофе. Большой кухонный стеллаж до сих пор заставлен различными кофейными машинами и другими приспособлениями, имеющими отношение к процессу приготовления кофе. Отец хорошо разбирался в его марках и использовал только лучшие сорта, которые, по его просьбе или, зная его слабость, в качестве подарка присылали или привозили папины коллеги со всего мира. Уже проникал в комнату божественный аромат, и у меня во рту собрались слюни в предвкушении изысканного лакомства. Я не то что бы фанатично преклонялся перед этим напитком, но в свое время очень любил иногда подегустировать различные сорта из папиных запасов.

- А вот и кофе! Здравствуй, сынок, - поприветствовал меня отец, вошедший с подносом на руках, на котором благоухали три чашки. – Очень рекомендую, сорт Кона, прислал профессор Густав Морнинг, мой друг с Гавайев. Совершенно особенный, ни с чем не сравнимый, мягкий и нежный вкус.

Отец в своем репертуаре: точность во всем – кто, что, откуда – в полном соответствии с профессией – он был математиком, причем довольно известным и не только на родине.

Я во все глаза смотрел на своих умерших, но сейчас как будто воскресших родителей и не улавливал никаких изменений в их облике по сравнению со временем, когда они еще были живы и здоровы. Они вели себя абсолютно естественно, как будто мы лишь вчера расстались, разошлись по своим комнатам почивать, а сегодня проснулись в добром здравии и, как обычно, собрались вместе за утренним кофе. Родители поддерживали простой, незамысловатый разговор, который кружил вокруг обстоятельств моей учебы, жизни, перспектив. Однако я понимал, что это простая вежливость, ведь мама уже сказала в самом начале, что они все знают про меня, да и вообще мне гораздо интереснее было бы побольше узнать про тот мир, в котором они сейчас существуют.

- Зачем вы все это мне говорите? Я очень рад снова встретиться с вами, это произошло совершенно неожиданно для меня, но у меня совсем нет времени, я скоро должен возвращаться...

- погоди, сынок, мы понимаем тебя, - заговорил отец. – Да, мы все знаем, мы наблюдаем за тобой отсюда, это получается само собой, без всяких усилий, стоит только пожелать. Но мы, наконец, встретились и хотим просто поговорить с тобой, понять твои мысли и желания. Ты превзошел меня с моей математикой, ты сделал гениальное изобретение, ты открыл людям дорогу в другой мир. Здесь несравненно лучшие условия существования, чем в земном мире, поверь нам, твоим родителям. Здесь возможно все, стоит лишь захотеть. Ты можешь преодолевать любые расстояния, ты можешь повелевать любыми звездными мирами, ты будешь жить вечно, ведь здесь нет понятия времени, здесь нет никаких забот. Оставайся с нами и во всем убедишься сам. Мы снова будем вместе и на этот раз навсегда.

Родители стояли рядом, протягивали ко мне руки, лица их излучали добро и искреннюю радость от встречи с любимым, единственным своим сыном. Слезы невольно брызнули у меня из глаз, я не выдержал, бросился к родителям и горячо обнял их. Я целовал мамины глаза, щеки, шутливо уперся лбом в папин лоб, и мы начали бодаться как два молодых, глупых барашка, а мама стояла в сторонке и тихо улыбалась, глядя на нас. Это было счастье в чистом виде, ничего большего нельзя и пожелать в моей жизни. Я добился своей цели, проник в потусторонний мир и даже встретил там своих родителей! Чего большего мог я пожелать в своей жизни?

Вдруг что-то постороннее проникло в мое горло, заполнило там все пространство, начало нетерпеливо ворочаться, сдирая поверхность гортани. Я зашелся в надсадном кашле, пытаюсь вытолкнуть посторонний шершавый предмет из рта, но он прочно засел там и, продолжая свое отвратительное шевеление, начал опускаться ниже и проникать в легкие. Невыносимое жжение пронзило мне грудь.

Черт возьми, опять этот проклятый нашатырный спирт. В конце концов, я сожгу себе легкие! Я осторожно отодвинул от себя блюдце полное до краев прозрачной вонючей жидкостью, сдернул с себя ошейник, кряхтя поднялся с лежанки и затопал по комнате, пытаюсь размять затекшие ноги. За окном по-прежнему глубокая темнота, тусклый зеленый свет ночника в комнате, ничего не изменилось с момента начала моей отключки.

Итак, второй опыт завершился. Он оказался более простым, никаких особых приключений я в запределье не испытал, зато неожиданно повидался с умершими родителями, их счастливые лица до сих пор у меня перед глазами. На этот раз все выглядело намного серьезнее, и загробный мир показался мне даже более привлекательным и комфортным, чем в первый раз. Что там говорил отец о возможностях мира посмертного

существования – жить вечно и владеть звездными мирами? Его слова по-настоящему задели мое нутро. Действительно, что я теряю здесь, что хорошего в этой серой, нудной, бессмысленной земной жизни, когда изо дня в день все одно и то же, когда постоянно нужно рвать и метать за кусок хлеба, бесцеремонно расталкивая других, страждущих того же? Нет, не хочу, я лучше уйду в тот счастливый мир и останусь там навсегда!

Не желая терять ни одной лишней секунды времени, я вернулся к кушетке и, перед тем как лечь, взглянул на Душку. Она буквально сияла тихой радостью, если можно так выразиться про бездушную машину. Ее электромеханические внутренности под колпаком из плексигласа заманчиво мерцали в мягком свете ночника, и весь томный вид удушающей машины, порождения моего разума, невольно вызывал нежные романтические чувства. Да, это все я и никто иной, именно я достиг цели, тем самым выполнив свое предназначение на Земле, и теперь я ухожу. Мне просто больше нечего делать в этом мире, я познал истину.

Я взял блюдце с нашатырем и выплеснул отвратительно воняющую жидкость в унитаз, присел на кушетку. Потянулся к пульту и запрограммировал на нем свой третий и теперь уже последний опыт. Программа была предельно простой: сжатие шеи и последующая выдержка в течение трех часов. То есть я выставил параметры максимально достижимые на моей установке. Этого заведомо должно хватить, чтобы наверняка, гарантированно перейти в мир иной, безо всяких нюансов и лишней суеты.

Прилег, закрепил обод на шее, затянул посильнее кожаные ремни на щиколотках, затем вдел в петлю левое запястье, затянул, потом – правое, затянул, насколько смог дотянуться. Все готово, пора отправляться, еще несколько мгновений, пусть даже мучительных, - и я уже там, в удивительном мире запределья. Я нашупал большим пальцем правой руки кнопку пульта, затаил дыхание, перед тем как нажать и...задумался. Палец скреб кнопку, она чуть подрагивала под его давлением, а я все медлил, не нажимал, почему-то никак не мог поставить финальную точку. Что-то меня смущало, что-то было не так во всей этой истории.

Родители перед глазами, их радостные, слишком радостные, гипертрофированно радостные лица. Ни одного слова не было сказано по-настоящему, все какие-то пустые слова, выхолощенные эмоции и в результате - пустая болтовня. А ведь столько нужно было сказать после долгой разлуки, ведь это самые любимые люди, мои родители.

Я мучительно припоминал все обстоятельства встречи, и вдруг меня молнией пронзила одна мысль. Не провокация ли все это? А что, если все не так, если я ошибаюсь принципиально, что, если нет никакого загробного мира, это все самовнушение, а меня на самом деле посещали всего лишь галлюцинации, волшебно прекрасные, проникшие в душу и покорившие меня, но все же галлюцинации, видения, бредовые порождения поставленного в экстремальные условия мозга? Причем

галлюцинации четко спланированные, нацеленные точно в мои слабые места, призванные заинтриговать, заинтересовать, в конце концов, заманить меня, склонить к решению, якобы принятому мной самостоятельно, по доброй воле, на самом деле абсолютно неправильному, необратимому! Что, если кто-то оттуда ведет со мной тонкую, изощренную игру, соблазняя мнимыми достоинствами и прелестями загробного мира? А родители, они что, тоже подыгрывали этому неизвестному соблазнителю, не попытавшись даже хоть что-то сделать для своего сына, как-то помочь?

Нет, погодите, погодите, надо во всем разобраться, куда спешить, дело куда уж серьезное – лишить себя жизни. Испарина покрыла мой лоб, заныли руки в ремнях, дыхание участилось, а пульс стрелял, как из пулемета. Нет, спешить в таком деле я не буду. Еще раз все тщательно обдумаю и приму осознанное, правильное решение. Только так и никак иначе.

Итак, родители. Они появились в моей комнате, именно в той обстановке, которая у меня сейчас, как будто просто зашли в гости. Безусловно, они находятся в полной власти у неизвестного, ведущего со мной эту изощренную игру, и весьма ограничены в своих возможностях помочь. Но все же это мои родители, и они, зная и понимая коварство своего повелителя, могли попытаться дать какой-нибудь скрытый знак, который насторожил бы меня. По-видимому, там, за пределами жизни, окружающая обстановка может формироваться как по мановению волшебной палочки в соответствии с характерными чертами личности прибывающего. Все внешние обстоятельства встречи, безусловно, определяет тот самый неизвестный могущественный соблазнитель. Но родители, как непосредственные участники сцены, желая мне помочь, могли схитрить и незаметно каким-либо образом повлиять на окружающую обстановку во время встречи. Что же было не так? Кажется, родители ничего существенного напрямую мне не говорили, но это, видимо, и невозможно было сделать, находясь под постоянным контролем соблазнителя. Обстановка в комнате... Она была привычной, знакомой, но, правда, не в точности такой, какая окружает меня сейчас. Были отличия, да, точно, в той обстановке присутствовали отличия! Во-первых, за окном там наступал день (здесь же до сих пор тянется ночь), во-вторых, там отсутствовала Душка! О чем же могут сигнализировать эти достаточно мелкие отличия?

Немного успокоившись, я перевел дух и задумался. Задача была явно не из легких...

Эврика, именно так! Исчезновение из поля зрения удушающей машины может означать только одно: ее нет, потому что не должно быть в твоём доме, это чужое, не нужное в твоей жизни! Наступающий день за окном... Выброси машину-душителя, и в твоей жизни рассеется, сгинет ночь, тьма, и наступит светлая полоса! Родители выполнили свой долг и

действительно подали мне сигнал, который я все-таки расшифровал и, к счастью, сумел вовремя и правильно понять! Какой же я глупец, ведь только что мог совершить решающую, роковую ошибку: расстаться со своей жизнью. Ох, совсем не так прост оказался этот запредельный мир!

Я выдохнул свободнее, потянулся правой рукой к шее с намерением ослабить и снять к чертям собачьим этот проклятый обод. Конечно, эти безбашенные фокусы с путешествиями в загробную жизнь больше не для меня.

Но что такое? Рука как будто не слушается меня, что-то держит ее, не давая согнуться в локте. Но я знал наверняка, что именно правая рука относительно свободна, я физически не мог сильно затянуть ремень на ней своими силами. Я взглянул на руку и не поверил своим глазам: каким-то чудом ремень оказался туго затянутым на запястье! Повернув голову влево, увидел, что и левая рука зажата ремнем гораздо плотнее, чем я это обычно делал в прошлых опытах. Попытавшись двинуть ногами, я убедился, что и они жестко пристегнуты ремнями к кушетке. Что здесь происходит?

Сделав несколько безуспешных попыток освободиться, я застыл в недоумении, но вдруг почувствовал, как обод напрягся и плотно охватил шею под подбородком. Это что еще за напасть? Ведь я не нажимал кнопку на пульте и не включал машину... Или нечаянно все-таки нажал? Кстати, а где сам пульт?

Приподняв голову, я увидел, что пульт находится явно вне моей досягаемости. Только что был в правой руке, а сейчас уже в метре от нее, как будто у него выросли ножки, и он шустрим таракашкой незаметно отполз прочь. Нет, вероятно, я его сам нечаянно оттолкнул, когда пытался освободиться от ремней. Это мне понятно, но как оказалась нажатой кнопка пуска? Ведь такое невозможно сделать без внешнего усилия! Неужели что-то закоротило в машине и произошло самопроизвольное ее включение? Час от часу не легче.

Я никак не мог до конца поверить происходящему, а обод все туже стягивал шею и не думал останавливаться. Голова гудела, наливалась тяжестью, язык во рту распух до невозможности, глаза выскакивали из орбит. Все поплыло перед моим взором. Скорее машинально, чем осознанно, я с трудом повернул чугунную голову направо и взглянул на свое гениальное изобретение, удушающую машину. Сквозь сгущающийся кровавый туман увидел, что с моей Душкой что-то происходит. Ее пластмассовый корпус как будто охватывает мелкая дрожь, а в моих ушах вдруг раздается тихий смех, который все усиливается и быстро превращается в гомерический хохот. Голос неприятный, визгливый, и доносится он явно из недр машины. Чертова железяка, ты откровенно смеешься, издеваешься надо мной!

Душка буквально заходится от утробного, отвратительного смеха, который начинает постепенно удаляться и, наконец, заглохает в липкой, болотной черноте, заполнившей пространство вокруг.